

Где Анна?

Как далеко может зайти женщина
защищая семью и какую цену
готова заплатить

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Александра Никитина

18+

Александра Никитина

Где Анна?

«Автор»

2026

Никитина А.

Где Анна? / А. Никитина — «Автор», 2026

Анна знает, какова на ощупь жизнь. Ее руки привыкли к тяжести садовой земли и теплоте детских ладоней. Но теперь они знают и другое...Холод смерти. Друг юности, называвший ее «ангелом», мертв. Убит. И весь мир уверен, что это дело рук ее мужа. Улики безжалостны, алиби рассыпаются...Чтобы спасти семью от разрушения, Анна начинает собственное расследование. Но каждый рывок вперед оборачивается шагом в бездну.Главный враг не прячется в тених. Он живет внутри. Ей предстоит узнать не только имя убийцы, но и ответ на вопрос, который страшнее любого приговора: на что способен человек, слишком долго притворявшийся ангелом.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александра Никитина

Где Анна?

Пролог

Пролог

Холодная, скользкая глина въелась под ногти, пахла сыростью и железом. Анна ковыряла ее корой. Старая, заезженная мысль заняла в голове: женская красота — подарок с бонусом? Или проклятие? Парить ангелом над бытом, но вгрызаться в дела с маниакальным усердием. Быть нежным лепестком и дубовым суком для защиты своих. Блестеть на людях и гаснуть, когда твое мнение не вписывается в их декорации. Быть умной, но помалкивать.

Анна фыркнула, разглядывая ладони, землисто-серые, в царапинах от шипов и засохших комьях глины:

– Летаю низенько-низенько. В основном над помидорами. Ангел-огородник — мой сорт. Земляной.

Каламбур получился несмешной и отдавал терпкой горечью кожуры грейпфрута.

– Хотя «падший» тоже сойдет, — усмехнулась она, с силой вдавливая гладкий, отполированный водой валун в сырую, сизую от влаги глину.

Вода в пруду была мутной, маслянистой, проглотившей ослепительно-синее небо.

Спрячет ли она хоть часть этой дурацкой тяжести?

Жара прилипла к коже липкой плёнкой. Воздух в саду густел, перемешивая запахи: удушающе-сладкий аромат белых роз «Айсберг», кисловатый назойливый запах перезревших помидоров. Анна пыталась локтем убрать с лица рыжие кудри, слипшиеся на висках; простая хлопковая рубаша Максима, любимого и надежного мужа, слишком большая для неё, прилипла к влажному телу. Руки в царапинах, ногти чёрные от земли. Грязь въелась в кожу, как пятно, которое не отмыть. Вода в яме была мутной, непрозрачной.

Глубина. Нужна глубина. Чтобы спрятать... — мысль оборвалась, недодуманная. Рядом валялись игрушки Марка: пластмассовый грузовик, утонувший колесом в грязи. Символ недосяжимой идиллии.

Тишина. Только назойливая оса, копошащаяся в переспевшей мякоти помидора, упавшего у её ног. Красный сок сочился на землю, как кровь из пореза.

Визг. Резкий, животный. Из песочницы. Марк, долгожданный двухлетка Анны и Максима, бил кулачками по луже, которую сам же и создал, перевернув ведро с водой. Лицо багровое от бессильной ярости.

– Ма-ма! Гря-зя! — выкрикнул он, тыча пальцем в мутную воду.

Анна не двинулась. Ярость ребёнка показалась ей знакомой, своей.

Воспоминания, как вспышка, как удар. Ей семь...

Пыль стояла столбом на школьном дворе, въедаясь в горло. Запах пота и дешёвой колбасы из столовки. Гогот мальчишек, глухой стук тела о металлический забор.

Пашка, щуплый, в очках со сломанной дужкой (оправа перемотана изолентой). Его прижали к забору. Вовка-задира (сын завуча, ручищи как лопаты) тыкал ему в лицо жирным пальцем: «Плакса! Дай сахарку, очкарик! А то щёчку поцелую!» Смех. Гулкий, звериный.

Она, рыжая, как пожар, самая красивая девчонка в младшей школе, прыгнула между ними. Не думала. Тело среагировало раньше мозга. Дешёвое, но чистое платье перекрутилось от рывка. Схватила валяющуюся тряпку (кто-то вытирал мяч?) и шлёпнула Вовку по мокрому от пота затылку.

– Отстань! Он мой! — крик сорвался хрипло. Не её голос. Чужой. Голос матери? Бабки?

От неожиданности мальчишки отступили. И с улюлюканьем понесли новость в школу: «тили-тили тесто...»

Пашка смотрел на неё снизу. Глаза за стёклами очков были огромные, полные недетского ужаса и... обожания? Как на икону. Губы шевельнулись беззвучно: «Ан... гел...»

Она фыркнула.

– Ангелы на небе! А я тут, в грязи с тобой! — выпалила. Пожалуй, это был первый каламбур в ее жизни.

Они жили на одной улице у леса. Грязь весной и осенью по колено. Её мир был приземлённым, телесным, пахнущим скошенной травой и дешёвым мылом. Аня стиснула тонкую мальчишескую руку (кости под кожей, как у птенца), дернула за собой.

– Пошли!

Его пальцы сжали её ладонь так, что стало больно...

– Мама! Грязно! — Марк заходился в плаче.

Анна вздохнула, поднялась. Колени хрустнули. Усталость. Подошла, взяла сына под мышки. Он был тяжёлый, плотный, пахнущий детским кремом и молоком. Прижала к груди. Его слёзы жгли кожу на шее. Он тоже чувствует грязь мира. Уже чувствует.

Взгляд упал на Сашу, ее первенца. Ему совсем недавно исполнилось тринадцать. Сидел под яблоней, спиной к дому, в дорогих наушниках (подарок Пашки, его обожаемого крестного, на прошлый день рождения). Копался в цепи велосипеда. Движения его резкие, злые. Плечи напряжены. Он чувствовал её взгляд? Обернулся. Глаза Максимовы, ясные. Красив. Но острый взгляд, манера поправлять волосы, как у Пашки. Крестник. Его крестник.

Звонок мобильного. Резкий, визгливый, ожидаемый. Как сигнал тревоги. Сердце упало куда-то вниз, в холодную глину пруда. Марк от неожиданности снова заревел. Достала телефон. «Оля». Подружка. Голос в трубке был не голосом — скрипом, хрипом:

– Аня, где ты? Павел... Его... в доме... Убит. Ножом. Много крови. Полиция... везде...

Мир схлопнулся. Звуки — пение птиц, плач Марка, жужжание осы, как отрезало. Осталась только тяжёлая, сладкая вонь роз и голос Оли, лезущий прямо в мозг: «...говорят, истёк кровью... на полу... В его доме... Ань? Ты слышишь? Дыши!»

Рука сама потянулась к грядке. Схватила спелый помидор. Сжала со всей силы. Плод взорвался в ладони. Тёплая, липкая мякоть, ярко-красные брызги на рубаху, на руки, на землю у самого края тёмной воды пруда. Она не чувствовала ничего. Только смотрела на свои пальцы, перепачканные в томатной жиже, похожей на запёкшуюся кровь. А в уши, поверх хрипа Оли, стоял детский шёпот, прилипший к памяти намертво: «Ан...гел...»

Идиллия была трупом. Сад превратился в место преступления. Её жизни.

Глава 1

Глава 1. После

Южное солнце вставало над городом, как каратель. Оно не ласкало, а прожигало, с беспощадной яростью выжигая следы ночной прохлады. Воздух над грядками дрожал, как над раскаленным асфальтом, искажая очертания дома и деревьев. «Бычьи сердца», тяжелые, налитые соком, почти бордовые от спелости, висели под кожистыми листьями, словно капли запекшейся крови. Анна стояла на коленях, впиваясь пальцами в сухую, горячую землю. Пыль прилипала к потной коже, смешиваясь с остатками вчерашней глины. Каждое движение было медленным, почти ритуальным. Здесь, среди простых, понятных вещей, как выдернуть сорняк, отщипнуть пасынок, можно было на минуту забыть, что мир перевернулся. Что вчерашний вечер навсегда разделил жизнь на «до» и «после».

– Малышка, иди домой! Опаздываю, хочу позавтракать с вами! — голос Максима, обычно бархатный и спокойный, прорезал утреннюю тишину сада, как нож по стеклу. Он звучал из распахнутого кухонного окна, слишком громко, слишком назойливо, нарушая хрупкое равновесие, которое она пыталась найти в этом зеленом храме.

– Минутку! — бросила она в сторону дома привычной, заезженной фразой, даже не оборачиваясь. Слово вышло плоским, безжизненным, эхом отозвавшись в пустоте внутри. Ей нужно было еще хотя бы пять минут. Пять минут, чтобы не видеть его слишком бдительных глаз, не отвечать на невысказанные вопросы, не ловить на себе испуганный взгляд Саши. Пять минут, чтобы притвориться, что все по-прежнему.

Она провела тыльной стороной ладони по лбу, оставив земляную полосу. Лицо ее, бледнее обычного, было напряжено до неузнаваемости. Ни тени той кудрявой, рыжей девчонки, чьи выходки когда-то смешили всю улицу. Скулы заострились, будто кто-то изнутри натянул кожу на каркас. Губы плотно сжаты в тонкую белую ниточку. Только россыпь веснушек на переносице и щеках, да рыжие, выбившиеся из пучка кудри, напоминали о прежней Ане. Она неспешно обходила кусты, ее движения были механическими, почти медитативными: пальцы с сухим хрустом выдергивали упрямый осот, с щелчком отщипывали жирный пасынок, сжимали упругий бок помидора, проверяя алхимию его созревания. Щелк. Хруст. Твердо. Это был ее якорь. Единственный островок контроля в шторме, сметающем все.

Но мысли, непокорные, ускользали в воронку вчерашнего вечера. Как она прожила тот день после новости? Хаотичные обрывки: она хотела рвануть к Павлу, увидеть, прикоснуться, поверить... Но дети. Марк, требующий ужина, не понимающий маминых слез. Саша, с его молчаливыми, слишком взрослыми и колючими вопросами во взгляде. Дети — железный капкан любви. Самый прочный плен. Неподвижность. Звонил телефон? Кто? Оля? Мама с ее вечной тревогой? Она не помнила. Помнила только, как лихорадочно листала местные новостные паблики, занимаясь самоистязанием. В захолустных сводках везде фото Павла. Улыбающийся, с бокалом на каком-то светском приеме. «Уважаемый юрист... известный коллекционер... трагически погиб...» Для этого сонного городка — это событие немислимое, из другого мира. А в комментариях уже ползли грязные слухи, как слизи после дождя.

Помнила только, как поздно вечером примчался Макс. Ввалился в прихожую, пахнувший бензином и холодом. Схватил ее в охапку, прижал к груди так, что кости затрещали. Они плакали молча, уткнувшись лицом в его куртку, лицом в ее волосы. Потом из полумрака гостиной вышел Саша... Его глаза, огромные от непонятного ужаса.

– Мама? Папа? Что случилось?

Потом был разговор с сыном, сплошной туман. Максим что-то лепетал, запинаясь, про ангела-хранителя местного производства, про то, что дядя Паша теперь на небе... Ангел... Что-то обожгло щеку. Дрожащая слеза скатилась и впиталась в грубую ткань джинс. Нет,

нельзя! Тут дети, Саша смотрит! Соберись, черт возьми! Но под ребрами уже разливался знакомый, обжигающий и неумолимый жар. Паника. Древний, как мир, зверь, просыпающийся в глубине души.

— Аня! — Голос Максима, теперь с отчетливой, как натянутая струна, ноткой раздражения, выдернул ее из полусна наяву. Она вздрогнула, чуть не сломав хрупкую ветку с незрелым плодом. О, эти священные тридцать минут утра! Ее ритуал, ее отдушина. Пока Макс будил угрюмого Сашу и кормил капризничавшего Марка кашей, она сбегала сюда, в свой зеленый храм, к своим «бычьим сердцам». Ее муж любил ее, он понимал ее странную, насущную потребность в этой тишине, в ощущении земли под руками, в одиночестве, и всегда дарил ей этот оазис. Их гармония, такая прочная, такая хрупкая, раскололась вдребезги накануне, и теперь казалось эта паутина расходилась по всей их жизни.

Войдя в дом, она ощутила резкий контраст: прохладу кондиционера и густой, пьянящий аромат только что заваренного кофе. Любимый, с нотками кардамона, который муж варил только для нее, в тяжелой керамической турке. Максим ловко лавировал между кухней и столовой, как опытный шкипер на плывущем корабле: одной рукой удерживал извивающегося, капризничавшего Марка, пытавшегося вылезти из стульчика, другой намазывал масло на тост для Саши. Саша сидел, сгорбившись над тарелкой, его обычно живое лицо было осунувшимся. Глаза были красные, опухшие от слез, веки тяжелые. Сейчас он, высокий и угловатый, снова показался ей крохой, тем самым Сашенькой, который прибегал ночью в их кровать после страшного сна — беззащитным и ждущим только мамино тепло, маминых слов, способных развеять любой кошмар. Но слова застряли у нее в гортани колючим, беззвучным комом.

— Держи, любимая. Как ты любишь. — Максим притянул Анну за талию, прижался лбом к ее лбу. Этот жест был его фирменным, их немой «я с тобой», — ловко удерживая Марка, пытавшегося схватить ее чашку. Анна отметила бессознательно: муж особенно хорош сегодня. Свежевыбранные щеки, белая льняная рубашка, расстегнутая на две пуговицы, подчеркивала загар шеи. Он пах мылом, дорогим одеколоном и кофе. В живота сладко дрогнуло, предательски-теплой волной. Но мысль точно ядовитый хлыст: «Стыд! Ты сейчас о таком? Рядом плачущий сын, там... там Павел. Тоже мне ангел... Сорт „Падший“». Она ловко вывернулась из его объятий, будто обжигаясь, перехватила тяжелую керамическую чашку и тут же нырнувшего к ней на руки Марка. Малыш уткнулся мокрым лицом в ее шею, успокаиваясь мгновенно, его маленькое тельце безоговорочно доверяло ей, не зная, что ее прежний мир рухнул.

Максим завел речь о будничном, о том, что Саше нужно купить новые кроссовки, о звонке из садика Марка, но тревога, тенью мелькнувшая в глубине его голубых глаз, в легком, почти невидимом напряжении челюсти, не ускользнула от нее. Она знала каждую его эмоцию, каждый оттенок настроения, как знала каждую тропинку в своем саду. Конечно, он волновался. Не только о Павле. О них. О ней. О той трещине, что могла в любой момент разверзнуться под ногами.

— Ты сняла кулон? — спросил Максим вдруг, откусывая тост. Взгляд его скользнул по ее шее, по тому месту, где всегда, каждый день, с самого утра, лежал холодный металл.

Рука Анны инстинктивно потянулась к воротнику футболки. Пустота под пальцами. Гладкая, голая кожа. Сердце сжалось в ледяной комок, остановилось на долю секунды. Когда? Почему не помню? Вчера, когда раздался тот звонок? Или сегодня утром, в полусне, собираясь в сад? Тревога, едва отступившая, накатила с новой, сокрушительной силой, перехватив дыхание. Потерять его... сейчас... Это был знак. Дурной, неумолимый знак. Маленький серебряный ангел с грустным личиком, подарок Павла на ее двадцатилетие. «Ты мой ангел-хранитель, рыжая». И теперь его не было.

— Я... я... — она замялась, рот был сухим, как пыль на грядках.

Ответ перекрыл резкий, пронзительный звонок телефона Максима. Он вздрогнул, вытащил аппарат, взглянул на экран. Лицо стало каменным, непроницаемым.

– Извини. — Он резко отвернулся и вышел на балкон, плотно прикрыв за собой стеклянную дверь. Делал так только в моменты крайней нервозности или когда говорил о чем-то очень важном, скрываемом.

Анна прижала к себе Марка, не видя его, уставившись на фигуру мужа за стеклом. Она не слышала слов, но видела: резкую линию напряженных плеч под тонкой тканью рубашки, то, как он сжимал трубку так, что костяшки пальцев побелели, как бы отстраняясь от говорящего. По тому, как он провел рукой по лицу — жест глубочайшей усталости и... беспомощности? — она поняла: что-то не просто не так. Что-то рушилось. Окончательно и бесповоротно.

Он вернулся быстро. Лицо было подтянуто маской решимости, но глаза скрывали бурю.

– Ань, мне срочно ехать. Не знаю, когда вернусь. — Он взял ее за подбородок, заставил поднять голову. Его пальцы были теплыми, но легкая, почти неощутимая дрожь в них передавалась ей, как ток. — Ты как? Справишься? Может, отвезти вас к маме? Вызову такси.

– Все в порядке, справлюсь, — ответила Анна автоматически, надевая маску спокойствия, как броню. Голос предательски охрип, выдавая ком в горле. — Марк с бабушкой... Саша поможет.

Максим посмотрел на Сашу. Тот сидел, уставившись в тарелку с недоеденной кашей, но Анна видела, что он весь внимание, каждым мускулом ловит их разговор. Максим крепко, почти отчаянно, поцеловал ее в губы. Быстрый, влажный поцелуй, пахнувший кофе и безотчетной тревогой.

– Я перезвоню. Люблю. — Он схватил ключи со стола и выскочил во двор, к машине, не оглянувшись.

– Ма-акс! — крик сорвался у Анны громче, чем хотелось, вырвался из груди помимо воли, рваный и полный непонятного даже для нее самой страха. Она выбежала следом, на палящее, слепящее солнце, придерживая на бедре удивленно хныкающего Марка. Максим уже заводил двигатель. — Макс! — она почти подбежала к машине, хватая ртом горячий воздух. — Я слышала... позавчера вечером... Твой разговор с Пашей. Почему вы ссорились? Что случилось?

Максим замер на мгновение, рука на рычаге коробки передач. Он обернулся. Глаза встретились с ее глазами через запыленное лобовое стекло. Голубые, всегда такие ясные и открытые, сейчас были как лед. Или как бездна боли? В них было что-то неуловимое, чужое. Он не ответил. Не кивнул. Не покачал головой. Просто резко рванул с места, шины взвыли на раскаленном асфальте, и машина, как подстреленная птица, вырвалась за ворота, оставив за собой облако пыли, запах горячего бензина и гнетущую, оглушительную пустоту.

Глава 2

Глава 2. Свидетель

– И где ты был в тот день? — скорее себе, шепотом, пробормотала Анна, глядя вслед давно исчезнувшей машине. Пятна пота проступали на ее футболке, солнце жгло плечи. Марк изо всех сил тянул ее за руку к дому, к прохладе, его маленькие пальцы впивались в ее кожу.

– Пойдем, малыш. Угощу тебя и брата... чем-нибудь вкусным. — Голос звучал чужим, плоским, как у плохой актрисы в самодельном спектакле.

Время внутри дома липло, тянулось, как дешевый, липкий слайм, вязкое, бесформенное, противное на ощупь. Минут через пятнадцать после того, как Максим скрылся, Анна снова пыталась накормить Марка йогуртом. Он размазывал его по столу и по своему лицу, хныча и отворачиваясь. По телевизору, который она забыла выключить, несся какой-то мультяшный ад — оглушительные крики, бессмысленные погони, какофония нелепых звуков. Анна не слышала ничего, кроме навязчивого гула в собственной голове, где по кругу скакали одни и те же слова: Кулон. Ссора. Где он был? Почему не ответил?

Телефон на столе взревел, внезапно и оглушительно, заглушая и телевизор, и хныканье Марка. Вибрация заставила подпрыгнуть чашку с недопитым кофе. Анна судорожно схватила трубку, чуть не выронив ее из потных пальцев. Не глядя на экран, выдохнула: «Макс?»

– Анна. — Голос ударил по слуху — ровный, металлический, лишенный всякого тембра и тепла, как гул высоковольтной линии. Никаких «здравствуйте», «как вы». Чистая, голая информация. Владислав Леонидович. Владом он для нее так и не стал за все годы, всегда оставаясь деловым партнером Максима, холодным и непроницаемым, как офисный сейф. — Максим звонил пять минут назад. Его вызвали в ОВД района, отдел на Ленина. Допрос в рамках проверки сообщения о преступлении. По факту убийства Павла Викторовича. Пока формально, как лицо, располагающее сведения об обстоятельствах дела. Свидетель.

– Свидетель... — Анна сглотнула колючий, горячий ком, вставший в горле. Голос охрип до шепота. Свидетель. Но почему его? Почему так скоро? Не прошло и суток! — Он... как? Где сейчас? Как выглядит? — Она впиалась взглядом в жирную кляксу йогурта на скатерти, представляя Макса в холодном, пропахшем табаком и тоской кабинете. Его пальцы, сжимающие стакан воды (он так всегда делает, когда нервничает). Его обычно спокойное, открытое лицо, искаженное сейчас недоумением или сдерживаемым гневом. Хрупкость их мира, такого прочного и неизбежного еще вчера утром, обжигала изнутри, как прикосновение раскаленного лезвия. Ее мир — пронзительный, захлебывающийся смех Марка, когда его щекочут; алая, сахаристая плоть спелого помидора, взрывающаяся во рту сладко-кислой влагой; внезапный, смешной вальс Максима посреди кухни под шипение чайника; его руки, твердые и надежные на ее талии; запах парфюма и кофе, въевшийся в его кожу... Все это, каждое мгновение, каждая мелочь, могло рассыпаться в пыль. Сейчас. Из-за одной кровавой ночи в стерильно-белом доме по соседству. Живот свело болезненным, тугим спазмом, заставив согнуться.

– В пути. — Влад не выразил ни капли сочувствия, ни тени человеческого волнения за друга. Сухая, безличная констатация факта. — Поручил мне предупредить тебя и связаться с его адвокатом — Светланой Аркадьевной Петровой. Ее контакты у тебя есть? Номер мобильный? Пришли мне.

– Да... Кажется... — Анна лихорадочно рылась в памяти, в хаосе мыслей и образов. Светлана Аркадьевна. Акула корпоративного права. Дорогая, беспощадная, до мозга костей эффективная. Разруливала их прошлые проблемы с налоговой, когда Павел... Бизнес. Их общий бизнес. Сложные проекты. Разногласия. Ледяная, невидимая рука сжала горло, перехватывая дыхание. — Влад, — голос сорвался, она с усилием выдохнула, впиваясь пальцами в край стола, — что происходит? Почему его? Что знает полиция? Что они хотят от него услышать?

Короткая, тяжелая пауза. На том конце провода Анна почти физически ощутила его холодный, аналитический взгляд сквозь линзы очков, взвешивающий, сколько информации можно выдать, чтобы не навредить процессу или... себе. Его молчание было густым, как смола.

— Стандартная процедура, Ань, — произнес он безжалостно ровно, растягивая слова. — Первоначальный этап. Сбор сведений. Максим близкий друг погибшего, деловой партнер. Его алиби на момент убийства подлежит проверке. Он утверждает, что был в городе на встрече с инвесторами, но требуется детализация времени, подтверждение контактов, возможно, записи камер. Светлана Аркадьевна встретит его в ОВД, обеспечит соблюдение его процессуальных прав. Держись. — Слово «держись» прозвучало формально, как инструкция к сложному прибору, лишённое всякого смысла. — Позвонишь адвокату сама? Или мне?

— Я... Давай ты. Сейчас пришло. Спасибо, Влад. — Слова прозвучали автоматически, пустые, как погремушка.

Она бросила трубку, не дослушав. Руки тряслись так, что телефон едва не выпал. Допрос. Алиби. Макс вчера вернулся поздно, молчаливый, бледный, от него пахло не кофе, а чем-то чужим. «Как дела?» — «Нормально». Где был вечером? Что делал после встречи? Она не спросила. Была занята собственными страхами, собственным горем. Теперь эта идея жалила, как оса: а если его алиби не железное? Если есть пробел в несколько часов? Если нет свидетелей? Внезапная, слепая волна ярости накрыла при мысли о Владе, таком спокойном, контролируемом. Ему все равно. Для него Павел, как утраченный актив. Максим же, элемент риска, подлежащий оценке. Анна и дети — сопутствующий ущерб, строка в отчете. Для него все процесс, алгоритм, бизнес-задача. Не разрыв плоти. Не крах ее вселенной, сотканной из смеха, теплой земли под ногтями и глупого вальса на кухне под шипение чайника.

Анна попыталась собрать сумку: салфетки, бутылку с водой, телефон, паспорт (на всякий случай! вдруг придется его идентифицировать... нет, остановись!), но пальцы не слушались, были ватными, непослушными. Вещи выскальзывали, падали на кафельный пол с оглушительным грохотом, который эхом отдавался в звенящей тишине, наступившей после того, как она все-таки выключила телевизор. Нервы? Какие нервы? Это были оголенные провода под смертельным напряжением! По ним скакал ток, выжигая все: «Убит-Павел-Кулон-Где-Макс-был-Алиби-Допрос-Свидетель». Мысли спутались, переплелись, как корни пырея под грядкой, душили, не давая вздохнуть. Ангел. Сорт «Тряпичная кукла». Хорош хранитель. Каламбур обжег горькой, терпкой горечью.

Дверь распахнулась. На пороге была ее мама, приехавшая по первому, паническому, бесвязному звонку. Ее лицо, покрытое сеточкой морщин, было серым от тревоги.

— Анечка, я примчалась! Маркуша, бабушка приехала! — Она бросилась к внуку, снимая с него испачканную йогуртом футболку, ее руки мелко и заметно дрожали.

— Мам, спасибо, что приехала, — Анна не отрывалась от своей сумки, пытаясь с силой впихнуть в нее пачку влажных салфеток, будто они могли спасти от всего. — Мне нужно съездить... К Ирине. В дом Павла.

— Анечка, ты уверена, что тебе надо туда? — Голос мамы звучал как из далека, приглушенный ватой. Она металась на кухне, пытаясь накормить орущего, вырывающегося Марка кашей. — Место такое... Мертвец... Полиция, наверное, там... Тебе ли, все через сердце пропускаешь... Максим бы съездил, поговорил...

— Максим на допросе, мам, — отрезала Анна резко, почти грубо, не глядя на мамино испуганное, помертвевшее лицо. — Оля меня подвезет. Сейчас приедет. Я должна... Павел же... друг. Почти семья. Ирина одна там...

— Друг... — фыркнула мама, вытирая Марку липкий рот, ее голос дрожал и срывался. — Друг, который на тебя как на икону молился все эти годы? Нездорово это было, Ань! Неестественно! Только ты, кажется, и не замечала. И Саша... — она кивнула в сторону прихожей, — смотри, какой... Не ребенок уже. Все понимает.

Анна обернулась. Саша стоял в дверях кухни, заслоня собой свет из гостиной. Тринадцать лет, рост почти папин, а взгляд уже взрослый, тяжелый, не по годам понимающий. Его теплые, медовые глаза, обычно такие живые и любопытные, сейчас были темными, как узкие щели под нахмуренными бровями. В них читалась не детская обида, а глухая, отчаянная замкнутость, немой вопрос и настоящая, взрослая боль.

– Мам. — Его тихий голос, неожиданно низкий и хриплый, перебил Маркин вой и мамины суетливые уговоры. — Что случилось? Почему полиция? Как умер дядя Паша? Куда папа уехал? Почему «допрос»? Я ничего не понимаю.

Анна почувствовала, как ноги подкашиваются, становясь ватными. Она схватилась за холодный край стола, чтобы не упасть. Момент истины, которого она боялась больше всего. Где инструкция «Как солгать сыну-подростку, что его крестного, которого он боготворил, убили, а отца тащат в мясорубку полицейских подозрений»? Ее нет. Она лежит в несуществующей главе под названием «Ангелы врут. Инструкция по применению». В голове стоял оглушительный гул пустоты.

– Все хорошо, солнышко, — выдавила она улыбку, натягивая кожу на скулах. Губы предательски дрожали. Голос фальшивил, звучал неестественно высоко и тонко. словно фальцет ангела-лжеца. — Просто... несчастный случай. Папу спросят как свидетеля, он же друг дяди Паши... Вернется скоро. Я съезжу с тетей Олей, помогу Ирине... — Слова казались чужими, картонными, они звенели фальшью и падали к ее ногам, как стеклянные бусы.

Саша смотрел на нее. Не мигая. Не двигаясь. Его взгляд, острый и не по-детски тяжелый, прожигал натянутую маску, видел всю панику, всю растерянность, всю эту жалкую, трусливую ложь. Потом он резко, почти с ненавистью, кивнул, шагнул к столу и выхватил у бабушки ложку из дрожащих рук.

– Пошли, Марк, — голос его был неожиданно твердым, холодным, командным. — Поиграем в твою комнату. Маме надо. — Он легко, почти грубо, подхватил ревуший, сопротивляющийся комок брата и понес его прочь, высоко поднимая, как мешок с картошкой. Спина Саши была прямая, напряженная, как струна. Он не оглянулся. Ни разу.

Анна почувствовала, как что-то рвется у нее внутри, с сухим, болезненным хрустом. Он понял. Все. И простил ли эту ложь? Или навсегда записал ее в предатели? В сообщники тому хаосу, что ворвался и разрушил их жизнь?

Телефон снова завибрировал, на этот раз мелодично, знакомо, как голос самого здравомыслия. Оля.

«Спасибо тебе, Господи, за Олю». Мысль пронеслась короткой, яркой волной облегчения, первым глотком воздуха после долгого удушья. Она ворвалась в ее жизнь на первом курсе, когда Анна еще наивно считала, что по-настоящему дружить можно только с парнями. Проще, честнее, без подковерных женских игр. Оля сломала этот глупый шаблон одним махом. Энергичная, как весенний торнадо, яркая, с той уверенной, немного вызывающей красотой, которая отталкивает завистниц и притягивает сильных. Она просто решила, что они будут дружить. Сопротивляться было бесполезно. И Анна была благодарна. Глупо, иррационально, до слез благодарна. Она была ее живой, мощный антидот от яда реальности. Замужем дважды, детей нет, «Не сложилось, не царское это дело», карьеристка до мозга костей, крестная Марка, его обожаемая «тетя Оля», которая таскает ему жуткие механические игрушки и учит ругаться по-английски («He is a little bastard, but cute!»). Бросила душный, но денежный банк, махнула рукой на сплетни и открыла салон для стрижки собак «Лапки&Хвостики». «Жизнь — не рутина, а трамплин, рыжая!». А ее семью, ее «Анькино счастье», Оля любила с той же щедрой, шумной, немного бесцеремонной интенсивностью, с какой делала все остальное. Ее «Ань!» сейчас в трубке звучало как спасательный круг, брошенный с проходящего мимо корабля:

— Ань! Я возле ворот! Выходи! Ты как? Совсем разбита? Вылетаем? — Голос в трубке — быстрый, теплый, живой, полный действия. Жизнеутверждающий контраст после ледяного, бездушного металла в голосе Влада.

— Да... Сейчас. — Анна вдохнула так глубоко, что у нее закружилась голова. Воздух обжег легкие, но придал сил, как глоток крепкого спиртного. Она должна ехать. Не туда, где Макса сейчас допрашивают, там его адвокат, его щит, его поле боя. Она должна туда, где вчера вырезали огромный, кровавый кусок из ее прошлого, из самого сердца их общей юности. В дом Павла. К Ирине. Старой, вечной Ирине, которая была для Пашки больше, чем домработница. Почти мать. Которая растирала ему спину вонючей скипидарной мазью, когда его, дурака, продуло на зимней рыбалке. Которая кормила их с Максом пирогами с капустой после шумных вечеринок и смотрела на Павла влажными, преданными, почти материнскими глазами. Она знала его настоящего. Не холеного коллекционера в стерильном музее-особняке, не расчетливого корпоративного юриста, а того самого Пашку! Вечно замызганного, в очках, перемотанных изолентой, с горящими фанатичным блеском глазами, когда он говорил о новой, никому не нужной находке для своей коллекции. Может, Ирина знает... Что-то маленькое, человеческое, незаметное на первый взгляд. Что-то, что проскользнуло мимо официальных протоколов, мимо цепкого, подозрительного взгляда следователя Левина. Она скажет что-то, какое-то слово, которое не воскресит Павла, но, возможно, выдернет Максима, их семью, их хрупкое общее счастье из этой затягивающей, кровавой воронки.

Она сунула руку в плетеную корзину на столе, нащупала на дне помидор черри — маленький, твердый, прохладный, как капля жизни. Сунула его в карман джинсов. Якорь. Маленький, невзрачный шарик нормальности, жизни, продолжения. Быстрый, почти беглый взгляд на кухню: мать, сгорбившись, вытирала с Марка и со стола следы йогурта, руки у нее тряслись теперь уже открыто, предательски. За дверью детской стояла звенящая, гробовая тишина. Сашина тишина. Самый тяжелый, самый горький укор.

Анна выбежала, не оглядываясь, громко хлопнув дверью, будто отсекая себя от прошлой жизни. Навстречу слепящему, беспощадному солнцу, к ждущей машине Оли. Навстречу теням прошлого и мраку настоящего. Навстречу тому безупречно-белому, холодному дому за высоким забором, где теперь навсегда, до скончания веков, осталось бурое, невыводимое пятно на белоснежном ковре. Пятно, которое грозило разрастись и поглотить все, до последней песчинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.